

ЭКОНОМИКА РОССИИ И РЕГИОНОВ

УДК: 338.24

JEL: E2, E64, I3, J1, J3, J6

**Благосостояние населения России: структурный конфликт
фискального стимулирования и монетарного сдерживания в условиях
внешних и внутренних шоков****С.В. Дохолян**, д.э.н., профессор<https://orcid.org/0000-0003-4609-448X>; SPIN-код (РИНЦ): 6492-9940

Scopus author ID: 57192983920

e-mail: sergsvd@mail.ru**М.А. Вершинина**<https://orcid.org/0000-0002-5703-0775>; SPIN-код (РИНЦ): 3616-6221e-mail: marieversh@gmail.com**Для цитирования**

Дохолян С.В., Вершинина М.А. Благосостояние населения России: структурный конфликт фискального стимулирования и монетарного сдерживания в условиях внешних и внутренних шоков // Проблемы рыночной экономики. - 2025. - № 4. - С. 31-39.

DOI: 10.33051/2500-2325-2025-4-31-39**Аннотация**

Благосостояние населения является ключевой целью социально-экономической политики, особенно в условиях нарастающих внутренних и внешних шоков, которыми для России 2020-е годы стали сочетанием пандемии COVID-19, санкционного давления, структурной перестройки экономики и роста геополитической неопределённости. Эти факторы усиливают нестабильность доходов, риски бедности и неравенство. В этой связи особую актуальность приобретает комплексный анализ проблем благосостояния в условиях нестабильных социально-экономических и политических условий. **Цель.** Провести критический анализ динамики показателей благосостояния в адаптационный период 2020–2025 годов, выявить структурные сдвиги в источниках доходов и оценить эффективность мер социальной защиты и макроэкономического регулирования. **Методология.** В основу исследования положен критический анализ данных Росстата за последние годы, в частности, динамики трёх ключевых индикаторов: реальных располагаемых доходов (РРД), уровня инфляции и Базовой границы бедности (БГБ). Используется сравнительный метод для оценки структурных изменений в составе денежных доходов населения. **Результаты.** Анализ показал, что заявленный номинальный рост РРД (7,3% в 2024 году) был полностью поглощён инфляцией (9,52%), что привело к снижению реальной покупательной способности. Агрегированный рост благосостояния обеспечивается преимущественно за счет работающих граждан (доля оплаты труда выросла на 1,0 п.п.), в то время как относительная роль социальных выплат снизилась на 1,5 п.п., что указывает на усиление неравенства. Выявлен структурный конфликт: фискальное стимулирование сталкивается с жесткой монетарной политикой, что приводит к подавлению потребления и росту вынужденных сбережений. БГБ возросла на 33% с IV квартала 2023 года по I квартал 2025 года, отражая кумулятивное инфляционное давление и усложняя выход из бедности. **Выводы.** Благосостояние последние годы является результатом сложной адаптации к шокам. Формальное снижение бедности сочетается с сохранением высокой дифференциации доходов, ростом неформальной занятости и уязвимостью значительной части населения. Устойчивость благосостояния зависит от

способности государства разрешить структурный конфликт между фискальным стимулированием и монетарным сдерживанием, а также обеспечить более равномерное распределение выгод от экономической активности.

Ключевые слова: благосостояние населения, реальные располагаемые доходы (РРД), инфляция, неравенство доходов, социальные выплаты, базовая граница бедности (БГБ), фискальное стимулирование, монетарное сдерживание.

Welfare of the population of Russia: structural conflict of fiscal stimulus and monetary contract in the context of external and internal shocks

Sergey V. Doholyan, Dr. of Sci. (Econ.), Professor

<https://orcid.org/0000-0003-4609-448X>; SPIN-code (RSCI): 6492-9940

Scopus author ID: 57192983920

e-mail: sergsvd@mail.ru

Maria A. Vershinina

<https://orcid.org/0000-0002-5703-0775>; SPIN-code (RSCI): 3616-6221

e-mail: marieversh@gmail.com

For citation

Doholyan S.V., Vershinina M.A. Welfare of the population of Russia: structural conflict of fiscal stimulus and monetary contract in the context of external and internal shocks // Market economy problems. - 2025. - No. 4. – Pp. 31-39 (In Russian).

DOI: 10.33051/2500-2325-2025-4-31-39

Abstract

The welfare of the population is a key goal of socio-economic policy, especially in the context of increasing internal and external shocks, which for Russia in the 2020s were a combination of the COVID-19 pandemic, sanctions pressure, economic restructuring and growing geopolitical uncertainty. These factors increase income instability, poverty risks, and inequality. In this regard, a comprehensive analysis of welfare issues in unstable socio-economic and political conditions is of particular relevance. **Goal.** To conduct a critical analysis of the dynamics of welfare indicators in the adaptation period of 2020-2025, identify structural shifts in income sources and evaluate the effectiveness of social protection measures and macroeconomic regulation. **Methodology.** The study is based on a critical analysis of Rosstat data in recent years, in particular, the dynamics of three key indicators: real disposable income (RRR), the inflation rate and the Basic Poverty Line (BGB). A comparative method is used to assess structural changes in the composition of monetary incomes of the population. **Results.** The analysis showed that the declared nominal growth of the IDR (7.3% in 2024) was completely absorbed by inflation (9.52%), which led to a decrease in real purchasing power. The aggregated increase in welfare is provided mainly by working citizens (the share of wages increased by 1.0 percentage points), while the relative role of social benefits decreased by 1.5 percentage points, which indicates an increase in inequality. A structural conflict has been identified: fiscal stimulus is confronted with tight monetary policy, which leads to a suppression of consumption and an increase in forced savings. The BGB increased by 33% from the fourth quarter of 2023 to the first quarter of 2025, reflecting cumulative inflationary pressures and complicating the way out of poverty. **Conclusions.** Well-being in recent years is the result of a difficult adjustment to shocks. The formal reduction of poverty is combined with the preservation of high-income differentiation, the growth of informal employment and the vulnerability of a significant part of the population. The sustainability of welfare depends on the ability

of the state to resolve the structural conflict between fiscal stimulus and monetary restraint, as well as to ensure a more even distribution of benefits from economic activity.

Keywords: *welfare of the population, real disposable income (RRR), inflation, income inequality, social benefits, basic poverty line (BGB), fiscal stimulus, monetary restraint.*

Введение

Благополучие населения является ключевой целью социально-экономической политики современного государства, особенно в условиях нарастающих внутренних и внешних шоков. Для России 2020-е годы характеризуются сочетанием пандемии COVID-19, санкционного давления, структурной перестройки экономики и ростом геополитической неопределённости. Эти факторы усиливают нестабильность доходов домохозяйств, повышают риски бедности и усиливают неравенство доступа к социальным благам.

Ряд российских исследователей подчёркивает, что оценка благополучия не может ограничиваться только денежными доходами: необходим комплексный учёт качества жизни, доступности социальной инфраструктуры, состояния рынка труда и демографических факторов. В этой связи особую актуальность приобретает анализ проблем благополучия населения России именно в условиях нестабильных социально-экономических и политических ситуаций.

Цель настоящего исследования – провести критический анализ динамики этих показателей, выявить структурные сдвиги в источниках доходов и оценить эффективность мер социальной защиты и макроэкономического регулирования в адаптационный период 2020–2025 годов.

Результаты исследования

В современной российской литературе благополучие населения трактуется как комплексная категория, включающая уровень доходов, качество жизни, доступ к общественным благам и степень защищённости от социально-экономических рисков.

Так Федорова М.Н. рассматривает доходы и их дифференциацию как важнейшие показатели социальной эффективности трудовых отношений. На основе данных Росстата за 2010–2024 гг. показано, что, несмотря на восстановление реальных доходов в 2021–2024 гг., существенная часть населения имеет доходы ниже условно «социально приемлемого» уровня (менее трёх прожиточных минимумов), а модальный уровень располагаемых доходов остаётся около 1,7 прожиточного минимума. Делается вывод о сохранении структурной бедности и высокой концентрации доходов [1].

Авторы Батарин И.В. и Алиев И.М. выделяют несколько групп индикаторов уровня и качества жизни: доходы, занятость, жилищные условия, доступ к образованию и здравоохранению, демографические показатели и показывают, что региональные различия по этим индикаторам в России устойчиво велики, а высокий уровень межрегиональной дифференциации рассматривается как фактор потенциальной социальной напряжённости [2].

В работе Артемовой О.В., Логачевой Н.М. и Савченко А.Н. анализируется влияние глобальных вызовов (пандемия, демографические и экономические риски) на качество жизни населения российских регионов. Отмечается, что пандемия усилила территориальное неравенство: регионы с более слабой социальной инфраструктурой сильнее пострадали как по уровню доходов, так и по доступности медицинской помощи [3].

Фахрутдинова Е.В. показывает, что в период COVID-19 к традиционным элементам качества жизни добавляются новые: цифровая доступность услуг, устойчивость рынка труда к дистанционным форматам занятости, безопасность и здоровье как ключевые параметры благополучия [4].

В коллективной монографии «Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего» подчёркивается, что стратегия повышения благополучия должна учитывать глобальные вызовы (пандемия, климатические изменения, цифровизация) и опираться на развитие человеческого капитала, доступной социальной инфраструктуры и эффективной социальной политики [5].

Исследования, посвящённые социальной инфраструктуре регионов и её влиянию на демографические процессы, показывают, что качество и доступность медицинских, образовательных и культурных услуг напрямую влияют на миграционные потоки, рождаемость и возрастную структуру населения, а значит – и на устойчивость благосостояния.

Чистякова О.А. и Григорчикова Е.С. анализируют трансформацию неформальной предпринимательской деятельности и платформенной занятости в условиях концепций Индустрии 4.0 и 5.0. Подчеркивается, что рост самозанятости, фриланса, платформенной занятости делает доходы значительной части населения более гибкими, но и более нестабильными, что усиливает риски прекаризации и ухудшения благосостояния при кризисах [6].

По нашему мнению, условиях трансформации социально-экономической системы России благосостояние населения выступает не только индикатором эффективности государственной деятельности, но и её ключевой стратегической целью, задающей ориентиры для бюджетной, социальной и региональной политики [7].

В свою очередь бедность трактуется как результат совокупного воздействия институциональных и структурных факторов, среди которых ключевую роль играют низкий уровень оплаты труда, ограниченная доступность качественных рабочих мест и недостаточная таргетированность социальной поддержки [8].

Согласно нашим оценкам, в 2020-е годы сохраняется высокая дифференциация денежных доходов населения при одновременном росте доли обязательных расходов в потребительском бюджете, что ограничивает возможности домохозяйств по наращиванию сберегательного и инвестиционного поведения [9].

Таким образом, благосостояние в России определяется не только динамикой средних доходов, но и совокупностью структурных факторов: неравенством, бедностью, неформальной занятостью, качеством социальной инфраструктуры и региональными различиями.

Для объективной оценки благосостояния нами используются три ключевых индикатора: реальные располагаемые доходы (РРД), которые отражают покупательную способность домохозяйств; уровень инфляции, определяющий фактическую стоимость жизни; и динамика уровня бедности, оцениваемая через Базовую границу бедности (БГБ). Как показывает анализ, в условиях структурной нестабильности агрегированные макроэкономические показатели могут маскировать рост социального неравенства и уязвимости отдельных слоев населения.

Реальные располагаемые доходы населения в 2024–2025 годах демонстрируют номинально высокий рост. По данным Росстата, в 2024 году РРД выросли на 7,3%. В 2025 году этот рост продолжился, составив 9,2% за январь–сентябрь, а во II квартале достигнув 10,4%, и 8,5% в III квартале.

Однако интерпретация этих цифр требует обязательного сопоставления с уровнем инфляции. В 2024 году годовая инфляция составила 9,52%. Это означает, что несмотря на значительный номинальный рост доходов в 7,3%, покупательная способность агрегированных доходов населения в 2024 году, по приблизительным оценкам, фактически снизилась (приблизительно на 2,22%).

Следующая таблица демонстрирует количественную оценку этого дисбаланса.

Таблица 1

Динамика ключевых макроэкономических показателей, влияющих на благосостояние (2022–2025 гг.)

Период	Рост РРД (к году, %)	годовая инфляция (Росстат, %)	реальный рост РРД (приблизж., %)	ключевая ставка ЦБ (на конец периода, %)
2022 г.	4,5	11,94	– 7,44	8,5 высокая во время шока, затем снижение

2023 г.	6,1	7,42	– 1,32	16,0 рост, достижение двузначных значений
2024 г.	7,3	9,52	– 2,22	21,0 удерживалась на высоком уровне
I кв. 2025 г.	4,4	10,2	– 5,8	21,0 поддерживалась на высоком уровне

Источник: данные Росстата, ЦБ РФ

Высокий номинальный рост РРД, наблюдаемый в 2025 году, является восстановлением, которое лишь частично компенсирует предыдущие инфляционные потери. Этот рост происходит в условиях жесткой монетарной политики, на что указывает высокая ключевая ставка ЦБ РФ. Ставка, направленная на подавление инфляционного давления, выступает в качестве монетарного якоря. Повышение ключевой ставки приводит к росту процентов по кредитам и замедлению покупательской активности, одновременно увеличивая проценты по вкладам. Таким образом, статистический рост РРД 2025 года достигается за счёт структурного конфликта: фискальное стимулирование (повышающее доходы) сталкивается с монетарным сдерживанием (замедление потребления). Этот конфликт является ключевым индикатором макроэкономической нестабильности.

Заявленный рост доходов в 2024 году был полностью нивелирован инфляцией. Высокие темпы роста РРД в 2025 году, вероятно, стимулируются структурными факторами, связанными с дефицитом кадров и увеличением бюджетных расходов, что является неустойчивым, инфляционно опасным драйвером, требующим постоянного контроля со стороны Центрального банка

Анализ структуры денежных доходов населения раскрывает, за счёт каких источников происходит агрегированный рост РРД, и позволяет оценить распределительный эффект экономической адаптации. Сравнение I квартала 2024 года и I квартала 2025 года, согласно данным Росстата, показывает явное увеличение доли оплаты труда, а также доходов от предпринимательской деятельности.

В I квартале 2025 года доля оплаты труда в общих доходах составила 64,3%, увеличившись на 1,0 процентный пункт по сравнению с I кварталом 2024 года (63,3%). Доля доходов от предпринимательской деятельности также возросла с 6,9% до 7,5% (+0,6 п.п.). Этот рост оплаты труда в значительной степени обусловлен конкурентной борьбой за рабочую силу в условиях дефицита кадров, а также повышенным спросом на работников в секторах, получающих государственные заказы. Важно отметить, что такой рост зарплат, не сопровождающийся адекватным увеличением производительности труда, способствует инфляции издержек.

Ключевым индикатором роста социального неравенства является относительное снижение доли социальных выплат в структуре доходов.

Таблица 2

**Структура денежных доходов населения РФ
(Сравнение I кв. 2024 г. и I кв. 2025 г.)**

Показатель (в % к итогу)	I квартал 2024 г.	I квартал 2025 г.	Абсолютное изменение, п.п.	Интерпретация
Всего денежных доходов	100,0	100,0	0,0	-
Оплата труда	63,3	64,3	+1,0	драйвер роста доходов; усиление неравенства между работающими и неработающими

Доходы от предпринимательства	6,9	7,5	+0,6	восстановление деловой активности
Социальные выплаты	23,5	22,0	– 1,5	снижение относительной роли социальной поддержки
Доходы от собственности	5,3	5,2	– 0,1	стагнация, несмотря на высокую ключевую ставку
Прочие поступления	1,0	1,0	0,0	-

Источник: данные Росстата

Ключевым индикатором роста социального неравенства является относительное снижение доли социальных выплат в структуре доходов. Снижение доли социальных выплат с 23,5% до 22,0% за год, несмотря на заявленные высокие бюджетные расходы на социальную политику, указывает на то, что агрегированный рост благосостояния обходит уязвимые группы, зависящие от государственных трансфертов. Поскольку доходы работающих граждан (оплата труда) растут быстрее, чем индексируются социальные выплаты, разрыв между высоко- и низкодоходными группами усиливается.

Ещё одним важным проявлением адаптационного поведения является изменение динамики сбережений. В I квартале 2025 года сбережения населения увеличились почти вдвое, достигнув 9829,5 млн рублей, по сравнению с 5010,5 млн рублей в I квартале 2024 года.

Хотя высокий уровень ключевой ставки ЦБ РФ делает банковские депозиты привлекательными, значительный рост сбережений в условиях нестабильности также является отражением высокого уровня экономической неопределённости. Население предпочитает откладывать средства и воздерживаться от крупных потребительских расходов, опасаясь будущих экономических шоков. Это поведение, хотя и макроэкономически полезно для сдерживания инфляции, на микроуровне означает подавление потребительского спроса и ухудшение субъективного благосостояния, поскольку потребление рассматривается как отложенное или рискованное.

В условиях высокой инфляции острой становится проблема стоимости жизни. Анализ Базовой границы бедности (БГБ), используемой Росстатом для определения уровня бедности, показывает резкий рост этого показателя. БГБ для всего населения возросла с 11 329 рублей в IV квартале 2023 года до 15 096 рублей в I квартале 2025 года. Это повышение на 33 % за относительно короткий период отражает кумулятивное инфляционное давление, особенно в отношении продовольствия и базовых услуг.

Быстрый рост порога бедности означает, что реальные издержки выхода из бедности значительно увеличились. Даже если статистически доля бедного населения может снижаться (за счёт роста заработных плат в определённых секторах), реальное материальное положение домохозяйств, находящихся близко к границе бедности и имеющих фиксированные доходы, ухудшается. Инфляционное давление создаёт постоянный риск перехода в бедность для домохозяйств со средними, но негибкими доходами, в первую очередь для получателей социальных выплат.

Правительство заявляет о значительных расходах на социальную политику. Расходы на эту статью составляют около 16% от всего федерального бюджета. Теоретически, такой объём финансирования должен обеспечивать надёжную социальную защиту.

Однако структурный анализ доходов выявляет противоречие: относительное снижение доли социальных выплат в структуре доходов населения (с 23,5% до 22,0%) свидетельствует о том, что рост реальных денежных доходов в основном обеспечивается рыночными механизмами (рост зарплат), а не эффективностью социальной поддержки. Это может быть связано с тем, что: социальные выплаты не индексируются адекватно темпам роста инфляции, или их эффект «размывается» агрегированным ростом зарплат в секторах, не связанных с социальной сферой, что усиливает неравенство. Высокая стоимость социальной политики не всегда транслируется в повышение устойчивости благосостояния наиболее уязвимых групп населения.

Подводя итоги необходимо отметить, что главной проблемой является конфликт между фискальным стимулированием (увеличение бюджетных расходов, стимулирующих номинальный рост доходов) и жесткой монетарной политикой (высокая ключевая ставка для сдерживания инфляции). В этой связи для разрешения структурного конфликта макроэкономической политики необходимо более тесное согласование объемов и целей бюджетных расходов с Центральным банком. Это позволит снизить инфляционное давление, вызванное неадекватным ростом спроса, и даст возможность снизить ключевую ставку, что ослабит подавление потребительского спроса и вынужденное сбережение. Фискальное стимулирование должно быть переориентировано с прямого накачивания спроса на инвестиции в секторы с высокой производительностью труда. Это позволит росту оплаты труда не быть инфляционно опасным драйвером, а базироваться на увеличении предложения и эффективности.

Исследование выявило относительное снижение роли социальных выплат (с 23,5% до 22,0% в структуре доходов) на фоне роста оплаты труда, что усиливает разрыв между работающими и уязвимыми группами. Поэтому с целью снижения неравенства и повышения эффективности социальной поддержки необходимо обеспечить индексацию всех социальных трансфертов и пенсий, опережающую реальные темпы роста инфляции, особенно в отношении товаров первой необходимости. Социальная поддержка должна быть более целенаправленной (таргетированной) на группы, которые наиболее подвержены риску структурной бедности и имеют негибкие доходы, что позволит более эффективно использовать бюджетные средства на социальную политику (около 16% федерального бюджета). С учётом роста неформальной (платформенной) занятости, необходимо разработать меры по повышению защищённости работников на рынке труда и обеспечить их адекватным социальным пакетом.

Быстрый рост Базовой границы бедности (БГБ на 33% с конца 2023 г. до начала 2025 г.) демонстрирует кумулятивное инфляционное давление и усложняет выход из бедности. Для борьбы с инфляцией и повышения устойчивости доходов важно ввести более эффективные механизмы мониторинга и контроля цен на продовольствие и базовые услуги, поскольку инфляция в этих секторах сильнее всего бьёт по низкодоходным группам. Необходимо учитывать устойчиво высокие межрегиональные различия в доходах и качестве жизни. Требуется разработка региональных программ, направленных на выравнивание доступа к социальной инфраструктуре (здравоохранению, образованию), что косвенно влияет на устойчивость благосостояния.

Все эти предложения направлены на то, чтобы агрегированный рост благосостояния становился более равномерным и устойчивым, не создавая новых социальных диспропорций.

Заключение.

Таким образом, в условиях нестабильных социально-экономических и политических условий проблемы благосостояния населения России приобретают комплексный характер. Формальное снижение бедности и рост реальных доходов в последние годы сочетаются с сохранением высокой дифференциации доходов, ростом доли неформальной занятости, региональными диспропорциями и уязвимостью значительной части населения к внешним шокам. Современные исследования показывают, что оценка благосостояния требует учёта не только денежных доходов, но и качества жизни в широком смысле – доступности инфраструктуры, защищённости на рынке труда, демографических и институциональных факторов.

Анализ динамики благосостояния населения России в 2020-2025 годах показывает, что экономика адаптировалась к внешним шокам за счёт структурной перестройки, управляемой фискальным стимулированием и жесткой монетарной политикой.

Ключевые проблемы благосостояния в этот период сводятся к следующему:

- высокий номинальный рост РРД (7,3% в 2024 году) был полностью поглощен инфляцией (9,52%), что привело к снижению реальной покупательной способности;
- агрегированный рост благосостояния обеспечивается преимущественно за счёт работающих граждан (увеличение доли оплаты труда на 1,0 п.п.), в то время как относительная роль социальных выплат снижается (-1,5 п.п.), что указывает на рост неравенства;

- необходимость жёсткой монетарной политики (высокая ключевая ставка) для борьбы с инфляцией, вызванной фискальным стимулированием, приводит к подавлению потребительского спроса и увеличению вынужденных сбережений, что ухудшает субъективное благосостояние;

- существенный рост базовой границы бедности отражает кумулятивное инфляционное давление, особенно в отношении товаров первой необходимости, делая выход из бедности более сложной задачей для низкодоходных групп.

Благосостояние в 20-х годах XXI века в России является результатом сложной адаптации к шокам, и его устойчивость зависит от способности государства разрешить структурный конфликт между фискальным стимулированием и монетарным сдерживанием, а также обеспечить более равномерное распределение выгод от экономической активности.

Литература

1. Федорова М.Н. Доходы населения и их дифференциация как показатели социальной эффективности социально-трудовых отношений в России в современных условиях // Экономическая безопасность. – 2025. – Т. 8, – № 9. – С. 2839-2854.
2. Батарин И.В., Алиев И.М. Оценка значимости уровня и качества жизни населения в России // Мир новой экономики. – 2022. – Т. 16. – №. 3. – С. 75-84.
3. Артемова О.В., Логачева Н.М., Савченко А.Н. Влияние глобальных вызовов на качество жизни населения российских регионов в период пандемии // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2022. – №. 3. – С. 191-213.
4. Фахрутдинова Е.В. Трансформация категории «качество жизни населения» в период пандемии COVID-19 // Экономические науки. – 2021. – № 12 (205). – С. 372–377.
5. Бобков В. Н. и др. Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего. – 2022.
6. Чистякова О.А., Григорчикова Е.С. Трансформация неформальной предпринимательской деятельности в рамках концепций Индустрии 4.0, 5.0 сферы услуг Российской Федерации // Экономическая безопасность. – 2024. – Т. 7, – № 5. – С. 1177–1188
7. Дохолян С.В. Благосостояние населения как основная цель государственной деятельности // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2024. – № 3. – С. 190–202.
8. Дохолян С.В. Бедность в России: причины, последствия и пути снижения // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2024. – № 4. – С. 169–179.
9. Дохолян С.В. Денежные доходы и расходы населения на современном этапе развития страны // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2024. – Т. 26. – № 4. – С. 83–93.

References

1. Fedorova M.N. Dohody naseleniya i ih differenciaciya kak pokazateli social'noj effektivnosti social'no-trudovyh otnoshenij v Rossii v sovremennyh usloviyah // Ekonomicheskaya bezopasnost'. – 2025. – T. 8, № 9. – P. 2839-2854.
2. Batarin I.V., Aliev I.M. Ocenka znachimosti urovnya i kachestva zhizni naseleniya v Rossii // Mir novej ekonomiki. – 2022. – T. 16. – №. 3. – P. 75-84.
3. Artemova O.V., Logacheva N.M., Savchenko A.N. Vliyanie global'nyh vyzovov na kachestvo zhizni naseleniya rossijskih regionov v period pandemii // Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Social'no-ekonomicheskie nauki. – 2022. – №. 3. – P. 191-213.
4. Fahrutdinova E.V. Transformaciya kategorii «kachestvo zhizni naseleniya» v period pandemii COVID-19 // Ekonomicheskie nauki. – 2021. – № 12 (205). – P. 372–377.
5. Bobkov V. N. i dr. Uroven' i kachestvo zhizni naseleniya Rossii: ot real'nosti k proektirovaniyu budushchego. – 2022.

6. CHistyakova O.A., Grigorichikova E.S. Transformaciya neformal'noj predprinimatel'skoj deyatel'nosti v ramkah koncepcij Industrii 4.0, 5.0 sfery uslug Rossijskoj Federacii // Ekonomicheskaya bezopasnost'. – 2024. – Т. 7, № 5. – P. 1177–1188
7. Doholyan S.V. Blagosostoyanie naseleniya kak osnovnaya cel' gosudarstvennoj deyatel'nosti // Nauchnoe obozrenie. Seriya 2: Gumanitarnye nauki. – 2024. № 3. – P. 190–202.
8. Doholyan S.V. Bednost' v Rossii: prichiny, posledstviya i puti snizheniya // Nauchnoe obozrenie. Seriya 2: Gumanitarnye nauki. – 2024. – № 4. – P. 169–179.
9. Doholyan S.V. Denezhnye dohody i raskhody naseleniya na sovremennom etape razvitiya strany // Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN. – 2024. – Т. 26. – № 4. – P. 83–93.

Об авторах

Дохолян Сергей Владимирович, доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией проблем уровня и качества жизни Института социально-экономических проблем народонаселения имени Н.В. Римашевской – структурного подразделения Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСЭПН ФНИСЦ РАН), Москва.

Вершинина Мария Александровна, научный сотрудник лаборатории проблем уровня и качества жизни Института социально-экономических проблем народонаселения имени Н.В. Римашевской – структурного подразделения Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСЭПН ФНИСЦ РАН), Москва.

About authors

Sergey V. Doholyan, Doctor of Sci. (Econ.), Professor, Head of the Laboratory of Problems of the Level and Quality of Life at the Rimashevskaya Institute of Socio-Economic Problems of Population, a structural unit of the Federal State Budgetary Institution of Science of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (ISEPN FNSC RAS), Moscow.

Maria A. Vershinina, Researcher at the Laboratory of Problems of the Level and Quality of Life of the Rimashevskaya Institute of Socio-Economic Problems of Population, a structural unit of the Federal State Budgetary Institution of Science of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (ISEPN FNSC RAS), Moscow.